

Бюст Маннергейма, установленный в фойе отеля 'Маршал' в Санкт-Петербурге.
С сайта white-guard.ru

«Даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»[1] — такой итог исследованиям, посвященным подробностям вступления Финляндии во Вторую мировую войну, еще в 70-х годах прошлого века подвел финский президент У.К. Кекконен. С тех пор прошло уже более 30 лет, появились новые работы как финских, так и российских историков, освещающие мельчайшие аспекты событий 1940–1941 года, в результате которых Финляндия оказалась в состоянии войны с СССР, и доказывающие, что Кекконен был прав в своем утверждении об агрессивном характере вступления Финляндии в войну. Но несмотря на это в работах российских историков и публицистов по-прежнему довольно распространено заблуждение, согласно которому вступление Финляндии в войну с СССР было вынужденным шагом, спровоцированным советскими бомбардировками ее территории 25 июня 1941 года. В этой статье автору хотелось бы кратко изложить ключевые моменты

финско-германского сближения и продемонстрировать, что решение о вступлении в войну вместе с немецкими войсками было принято в Финляндии задолго до советских бомбардировок и что действия финских вооруженных сил 21–24 июня можно трактовать именно как начало войны против СССР.

После окончания Зимней войны Финляндия встала перед выбором новой внешней политики. Необходимо отметить, что первые дипломатические шаги послевоенная Финляндия делала все же в сторону скандинавского оборонительного союза. Еще 11 марта, за день до подписания Московского мирного договора, правительство Финляндии отправило в Швецию и Норвегию предложения о заключении союза, причем министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер в беседе с финским посланником 14 марта дал понять, что шведское правительство готово обсудить этот вопрос[2]. Однако СССР продемонстрировал резко негативную реакцию по отношению к созданию такого альянса: 20 марта 1940 года ТАСС заявил, что «подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с.г.»[3]. Интересно, что нападки на СССР начинаются уже с этого момента: мол, если бы Советский Союз не высказался против шведско-финского союза, финны действительно вместе со шведами могли бы остаться в стороне от войны. Однако тут необходимо обратить внимание на два немаловажных момента. Во-первых, для того, чтобы оставаться нейтральным государством, этого нужно желать. Однако как только немцы дали понять финнам, что в ближайшее время планируют нападение на СССР, Финляндия сама стала проявлять инициативу по сближению с Германией именно в военном отношении. В общем-то, это являлось закономерным следствием тех настроений, которые царили в финском обществе в 30-х годах и которые очень хорошо охарактеризовал латвийский посланник в Финляндии в те годы: «В головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо великой державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией

или Японией, чтобы реализовать свою программу [по присоединению Карелии к Финляндии – Прим. П.С.][4]. Само собой, в 1940–1941 годах эти настроения никуда не исчезли, наоборот, стали еще сильнее, смешавшись с желанием финнов вернуть утраченные в Зимней войне территории. Во-вторых, не стоит забывать, что влияние на Скандинавию и Финляндию оказывал отнюдь не только СССР – интересы Германии там тоже значили очень много. И Германия никогда не позволила бы Швеции и Финляндии заключить оборонительный союз, поскольку Рейху, заинтересованному в вовлечении в войну обоих этих государств, подобный союз только мешал. В этом отношении очень характерна реакция Гитлера на очередную волну разговоров о союзе со шведами в Финляндии в конце 1940 года: 19 декабря финнам было передано заявление фюрера, в котором говорилось, что «если Финляндия заключит персональную унию со Швецией, то с этого момента Германия полностью прекратит проявление к Финляндии интереса»[5]. Такой роскоши, как разрыв отношений с Германией финны позволить себе, конечно, не могли, да и, разумеется, не хотели. Кроме того, перспективы создания северного союза вызывали негативную реакцию и в Англии[6]. Таким образом, мы видим, что идея скандинавского союза априори была обречена на провал, вне зависимости от позиции СССР. Да и сам факт существования такого союза вовсе не исключал возможности вступления Финляндии в войну.

На фото: Финские призывники тренируются в стрельбе из ПП 'Суоми' под руководством инструктора из Шютцкора. (Osprey)

После того, как перспективы создания северного союза стали совсем не радужными, финны стали искать для себя нового союзника. И практически сразу нашли его в лице Германии. Первые шаги в области немецко-финского сближения были сделаны в сфере экономики. 5 мая 1940 года на переговоры в Хельсинки прибыла германская делегация, которая провела переговоры с премьер-министром Финляндии Ристо Рюти. На переговорах было достигнуто соглашение о возобновлении прекратившихся во время Зимней войны поставок в Германию стратегически важного для последней сырья, в том числе – меди и никеля. Показательно, что уже во время этой встречи финская сторона поднимала вопрос о поставках в Финляндию из Германии вооружения, однако немцы пока отклонили эту просьбу финнов[7]. Вскоре немецко-финское экономическое сотрудничество перешло в новую стадию: 29 июня был подписан договор, по которому доля Германии во внешней торговле Финляндии составила 40%. Тогда же финны пообещали немцам прекратить любые торговые отношения со странами, находящимися в состоянии войны с Германией[8]. Таким образом, финны окончательно перекрыли себе возможность торговли с Великобританией. Вскоре интенсификацией финно-германских торговых отношений обеспокоились и в Вашингтоне. Американский посланник в Хельсинки в этой связи имел беседу с Рюти, в ходе которой премьер-министр заявил, что теперь «финские власти предпочитают немецкие товары американским». На это эмиссар Соединенных Штатов ответил, что «такая

дискриминация может создать неблагоприятное впечатление в США»[9]. Однако перспектива осложнений отношений с США, вероятно, волновала финнов меньше, чем перспективы сотрудничества с немцами. Таким образом, Финляндия уже в середине 1940 года совершенно добровольно поставила себя в экономическую зависимость от Германии. В этом свете очень странными выглядят заявления некоторых историков о том, что Финляндия была вынуждена пойти на союз с Германией из-за зависимости своей экономики от торговли с немцами. Как мы видим, финны создали такую ситуацию исключительно своими силами. Интересен и еще один момент: в конце апреля шведы предприняли попытку договориться с Финляндией относительно совместной обороны Аландских островов на случай агрессии. В тот момент в Швеции очень опасались немецкого вторжения, а Аланды имели для шведов стратегическое значение. 27 апреля в Хельсинки прибыла шведская делегация в составе генерала Раппе и командора Эриксона. Первоначально шведы встретились с главнокомандующим К.Г. Маннергеймом, однако тот не проявил заинтересованности в совместной со шведами обороне Аландов[10]. А 30 апреля со шведскими представителями встречался и Рюти, который прямо заявил, что его волнует только возможность нападения Советского Союза, германского же вторжения он не опасается[11]. То есть в то время, как две скандинавские страны – Дания и Норвегия – уже были оккупированы Гитлером, а шведы готовились к войне, финны были совершенно спокойны в отношении своих будущих отношений с Германией. Впрочем, нельзя сказать, что их не волновала норвежская проблема, просто они видели ее в несколько ином ключе: весной 1940 финны посылали запросы в Берлин относительно возможности поставок в Финляндию трофейного норвежского оружия[12]. Что же касается Аландов, то финская концепция обороны архипелага не просто не предусматривала защиту островов от немцев, но и строилась на диаметрально противоположных принципах. Так 18 декабря 1940 года Маннергейм через П. Талвела передал немецкому командованию просьбу об оккупации Аландского архипелага в случае начала войны[13]. Подобные предложения делались немцам и позднее, однако германская сторона, как известно, воздержалась от подобных действий.

На фото: Германский Ю-87 из Lehrgeschwader 1 (IV.(St.)/LG 1) на аэродроме Пори в Финляндии. Лето-осень 1941 г.

Логика предоставления таких обширных преференций Германии требовала от финнов дальнейших, более решительных шагов по сближению с Рейхом. И шаги эти сделаны были. 4 июля на встрече с послом Германии В. Блюхером министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг заявил, что «у населения Финляндии дружественные настроения к Германии нарастают подобно лавине». А затем добавил, что «существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключительно было бы сориентировано на Берлин» и, наконец, сообщил, что в Финляндии надеются, что «с помощью немецких армий могли бы через несколько месяцев

вернуть территорию, которая перешла к России»[14]. Таким образом, финны дали понять немцам о своей готовности не просто сотрудничать с Германией, но и участвовать в совместных операциях против СССР. А ведь это еще только июль 1940 года. Причем нужно отметить, что финны сами старались вывести германо-финское сотрудничество на военный уровень. Безо всякого давления извне. Но на тот момент немцы еще не собирались оказывать финнам помощь такого рода, поэтому Блюхер ответил Виттингу, что «германо-финские отношения должны развиваться медленно и поэтапно, а не яростно или откровенно»[15]. Однако тонкий намек финнов на благосклонное их отношение к налаживанию более тесных взаимоотношений с Германией был в Берлине понят, и вскоре немцы решили воспользоваться таким подарком финских товарищей. 17 августа в Хельсинки прибыл подполковник Е. Велтьенс, который 18–19 августа провел переговоры сначала с Маннергеймом, а затем с Рюти, Виттингом и министром обороны Рудольфом Вальденом[16]. Велтьенс был уполномочен предложить финнам своего рода договор: финны соглашались на транзит немецких войск через Финляндию в Норвегию, а немцы в свою очередь обещают финнам начать поставки вооружения. Финны не возражали, и 12 сентября в Хельсинки было подписано соглашение о транзите[17]. Уже после этого Финляндия *de jure* потеряла нейтралитет, поскольку статья 5 Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 года запрещает нейтральным государствам пропускать через свою территорию войска одной из воюющих сторон. Тем не менее, 21 сентября первые суда с немецкими солдатами прибыли в порт финской Ваасы. До середины октября в Финляндии высадятся около 5 тысяч бойцов Вермахта[18]. А к началу мая следующего года – 13000[19]. Однако этот финский «транзит» обладал и одной особенностью: далеко не все немецкие войска дошли до Норвегии – около половины прибывших остались в Финляндии, в основном – в Лапландии[20]. Член риксдага К.О. Фрич писал по этому поводу: «Каждый, кто хотел, без труда мог убедиться в том, что происходившее в губернии Похьенмаа и Лапландии было не транзитом, а прямой оккупацией. Немецкие войска находились в стране совсем не в порядке транзитного движения, их размещали по гарнизонно, они строили склады, дороги, бараки и тому подобное»[21]. Таким образом, под предлогом транзита немецкие войска с согласия финского правительства, по сути, вводились в Финляндию. Параллельно с немецкими войсками в Финляндию прибывали и транспорты с вооружением, которое теперь финны имели возможность закупать в Германии. Причем первая партия оружия прибыла в Финляндию уже 26 сентября, хотя договор по поставкам был подписан только 1 октября[22].

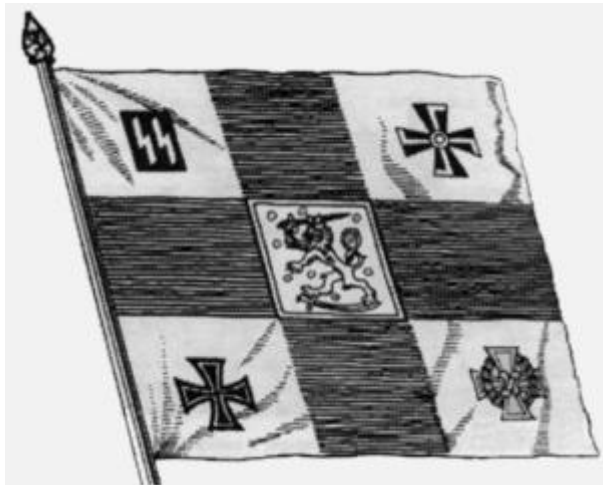
Видимо, именно согласие финнов на транзит немецких войск окончательно убедило Германию в реальности стремления Финляндии к союзу с Рейхом. Одним из следствий этого стало и изменение отношения к Финляндии в немецком командовании. Так, если в плане войны Германии против СССР, разработанном ОКХ в августе 1940, Финляндия должна была всего лишь связать относительно небольшую часть советских войск на своей границе[23], то по стратегической разработке Лоссберга от 15 сентября финские войска уже должны были вместе с частями Вермахта осуществлять наступление на Мурманск и Ленинград[24].

На фото: Добровольцы финского батальона Ваффен-СС в тренировочном лагере Гроссборн, 1941 г.

Однако сами финны не были до конца удовлетворены сложившейся в сентябре ситуацией, и, в общем-то, не без оснований: от договора о транзите Финляндия, в отличие от Германии, получила куда больше проблем, чем преимуществ. Ввод войск на территорию Финляндии серьезно беспокоил СССР. Вскоре после высадки немцев в Вааса полпред Советского Союза в Финляндии И.С. Зотов лично встречался с Виттингом и попросил разъяснений финской стороны по сложившейся ситуации. А из Лондона в Хельсинки пришел официальный протест на действия финнов[25]. То есть отношения Финляндии с европейскими державами значительно осложнились, и в то же время финнам не удалось получить от Германии

никаких гарантий военной поддержки в случае втягивания Финляндии в войну. Вполне логично, что финны, предвидя осложнение отношений с заинтересованными странами после начала немецкого транзита, стремились к еще большему сближению с Германией, причем проявляя в этом все большую инициативу. Так, например, в середине сентября в Хельсинки было принято решение об отправке в Берлин посланника, которому было поручено встретиться, по возможности, с Герингом и поставить перед ним вопрос об оказании Финляндии военной поддержки в случае войны. На роль посланника был выбран генерал-майор запаса П. Талвела, который прибыл в Берлин 17 сентября и пробыл там до 25-го. Однако встретиться с Герингом за все это время так и не смог, что говорит о том, что в Германии пока не хотели форсировать развитие отношений с Финляндией. Тем не менее, Талвела удалось наладить контакт с немецким генштабом по проблеме координации действий финской армии и Вермахта в будущей войне против СССР[26]. Вскоре финское руководство повторило попытку наладить более тесные связи с немецким руководством и 8 ноября Талвела вновь прибыл в Берлин, но и в этот раз, ему не удалось встретиться ни с Герингом, ни с Браухичем, ни с Типпельскирхом, ни с Кейтелем, хотя аудиенцию у последних трех Талвела обещал организовать майор Альбеддил из ОКХ, с которым генерал имел встречу во время своего визита[27]. В качестве успеха финского посланника можно отметить встречу с начальником штаба ВМС Германии контр-адмиралом О. Шнивиндом, с которым они имели беседу о военном положении Финляндии, в ходе которой Талвела в частности отметил, что «судьба Финляндии неотделима от Германии» и что необходимо, «чтобы военные проблемы Финляндии интересовали Германию»[28]. И все же в целом первые попытки Финляндии наладить более тесные связи с Рейхом оказались неудачными.

На фото: Флаг финского добровольческого батальона Ваффен-СС

На новый уровень финляндско-германские контакты стали выходить в декабре 1940 года. Этому способствовало сразу несколько событий. Во-первых, 27 ноября в отставку вышел президент Финляндии К. Каллио. Еще 28 августа у него случился инсульт, после которого президент практически отошел от государственных дел и его обязанности исполнял премьер-министр Рюти. Здесь необходимо сделать одно небольшое отступление. По сути, и до отставки Каллио, и, тем более, после нее ключевые решения в стране, особенно в области внешней политики, принимались очень небольшой группой лиц – так называемым «внутренним кругом». В этот круг входили Премьер-министр Р. Рюти, главнокомандующий К.Г. Маннергейм,

министр обороны Р. Вальден, министр иностранных дел Р. Виттинг и лидер социал-демократической партии В. Таннер. Этот «внутренний круг» принимал важнейшие государственные решения без согласования как с остальными членами правительства, так и с парламентом, которые, если и ставились о них в известность вообще, то уже постфактум. Наиболее показательно в этом плане, безусловно, решение о пропуске немецких войск через территорию Финляндии. По конституции этой страны иностранные войска могут быть введены на ее территорию только с согласия парламента. Однако решение о транзите было принято не только без согласования с парламентом, но и без его извещения. Доходило даже до откровенных конфузов, когда, например, министр внутренних дел Эрнст фон Борн узнал о высадке немецких войск из сообщения полицейского управления Ваасы[29]. Причем непонимание происходящего даже среди высокопоставленных чиновников страны было таким, что губернатор Ваасы, также звонивший Борну 21 сентября, интересовался у последнего, не началась ли новая война и нужно ли оказывать немцам сопротивление[30]. Лишь 24 сентября, спустя три дня после прибытия частей Вермахта, «внутренний круг» счел возможным предоставить правительству информацию о происходящем[31]. Впрочем, столь плохая информированность кабинета министров не вызывает такого удивления, если знать, что Маннергейм, получив 18 августа предложение Велтьенса о транзите, даже не счел необходимым проконсультироваться по этому поводу с президентом Каллио.³² И в дальнейшем «внутренний круг» принимал важные решения в обход правительства и парламента. Об этом же свидетельствуют и очевидцы тех событий: министр внутренних дел Борн в мае 1945 года сообщил шведской партии, членом которой являлся, что страной правит

узкий круг лиц, в который входят министр иностранных дел, премьер-министр, президент и высшее военное руководство. Об этом же говорил и министр финансов Пеккала. А государственный советник Фагерхольм вспоминал, что «маленькая клика присвоила себе право решать жизненно важные вопросы»[33]. Впрочем, следует отметить, что, хотя парламент и высказывал недовольство столь пренебрежительным к нему отношениям со стороны «внутреннего круга», в целом он поддерживал его курс как во внешней, так и во внутренней политики. Так, например, в парламенте практически не поднимался вопрос об отмене военного положения, которое просуществовало в Финляндии вплоть до начала новой войны и которое, разумеется, давало обширные полномочия правительству. Больше того, 29 апреля 1941 года после долгих обсуждений парламент проголосовал за введение закона «О регулировании экономической жизни в чрезвычайных условиях», который расширял возможности правительства по контролю за экономической сферой[34]. Таким образом, с молчаливого согласия парламента реальная власть в стране была сосредоточена в руках узкого круга лиц, который в конце 1940 года значительно укрепил свои позиции: после отставки Каллио на проведенных 19 декабря выборах победу одержал Рюти. А премьером вскоре стал помощник Рюти еще по работе в Банке Финляндии Ю. Рангель, который, будучи сторонником прогерманского курса в политике, также вошел во «внутренний круг». Разумеется, в результате подобных перестановок влияние «внутреннего круга» значительно выросло, что, в свою очередь, безусловно, облегчило финляндско-немецкое взаимодействие.

Вторым важным событием, произошедшем в конце 1940 – начале 1941 гг. стало резкое ухудшение советско-финских отношений. Вызвано оно в первую очередь недовольством Советского Союза происходившими в Финляндии событиями. Здесь необходимо отметить, что советское руководство достаточно своевременно получало информацию о финляндско-германском сотрудничестве. В частности Москва получала следующие сообщения о немецком транзите в Финляндии:

«В сутки перебрасывается один эшелон войск. 23.09.40 в порту Ваза высадилось 1500 германских солдат и некоторое количество в Оулу и Пори. Часть германских войск оседает в Финляндии с целью подготовки театра военных действий и подготовки финской армии. В Хельсинки продолжает поступать военное снаряжение».

«Транспортировка германских войск в Финляндию, начатая 23.IX.40 г., продолжается. Ежедневно из порта Вааса отправляется по 3 немецких состава с оружием, боеприпасами и горючим. В числе боеприпасов отмечены авиабомбы весом 500 кг...»

«По сведениям, исходящим от иностранных военных атташе в Германии, договор о переброске немцев через Финляндию на север Норвегии имеет цель – посылке германских войск в Северную Финляндию для подготовки плацдарма против СССР».

«Немецкие войска в Финляндии продолжают оставаться. Данные о строительстве барачных в районе Вааса и создание баз в районе Рованиemi позволяют предполагать, что немцы в Финляндии оседают и будут оседать»

«В г. Пори около двух батальонов немецких войск. Офицеры и солдаты одеты в финскую форму... Численность немецких войск в Рованиemi составляет около 5000 человек...»

«Часть немецких войск оседает в виде гарнизонов в наиболее крупных и важных в стратегическом отношении пунктах Северной Финляндии... Отношение немцев к населению дружественное, покровительственное».

«Немецкие войска в Финляндии ведут себя как хозяева, разжигая страсти финской военщины на реванш с СССР. Сосредотачиваются постоянные, долговременные гарнизоны в пунктах: Рованиemi, Сондакюля, Ивало, Петсамо и Кемиярви, из которых основным центром... является Рованиemi»[35].

Таким образом, Советский Союз был прекрасно информирован и о самом транзите, и о том, что он был использован в качестве прикрытия скопления немецких войск в Финляндии. На основании сведений о транзите и прочих финско-германских контактах в НКВД сделали вывод о «прогерманской ориентации Финляндии» и о том, что «политика финляндского правительства по отношению к Германии выглядит крайне заискивающей и лакейской»[36]. Обеспокоенное таким положением дел в Финляндии советское правительство не собиралось безучастно наблюдать за тем, как Финляндия постепенно втягивается в орбиту немецкого влияния, и в конце 1940 года значительно усилило давление на финское правительство сразу по нескольким вопросам. Во-первых, Советский Союз постарался оказать давление на финнов во время президентских выборов: 6 декабря во время беседы финского посланника в СССР Ю.-К. Паасикиви с Молотовым, последний заявил, что «желает ли Финляндия мира с Советским Союзом, будет понятно по тому, кого изберут президентом» и что такие кандидатуры, как Таннер, Маннергейм или Свинхувуд, советское правительство считает неприемлемыми[37]. Впрочем, СССР был далеко не единственным государством, которое высказало свои пожелания относительно президентских выборов в Финляндии. 17 декабря руководитель отдела северных стран английского МИД Л. Кольер заявил финскому послу в Великобритании Гриппенбергу, что Лондон не желает видеть в качестве президента Финляндии настроенных прогермански Свинхувуда или Кивимяки[38]. Берлин также обозначил свои симпатии. Причем там наиболее подходящим кандидатом считали ни Свинхувуда или Кивимяки, избрания которых опасались в Англии и СССР, а Рюти[39], который и был в итоге избран. Таким образом, несмотря на все старания Великобритании и Советского Союза, президентом Финляндии стал именно тот человек, которого хотели видеть на этом посту немцы и который активно стремился к сближению с Рейхом.

На фото: Маннергейм, Гитлер и Рюти

Следующим объектом давления СССР стали никелевые рудники Петсамо. Еще 23 июня 1940 года в беседе с Паасикиви Молотов заявил, что «советское правительство заинтересовано в никелевых рудниках района Петсамо и желало бы получить на них концессию»[40]. Тогда же было сказано, что Советский Союз устроило бы совместное финско-советское общество по эксплуатации месторождений. 27 июня Паасикиви передал сообщение финляндского правительства о готовности продавать СССР 50% добываемого в Петсамо никеля[41], хотя в это же время финны обещали поставлять Германии 75% его же[42]. К слову, советское правительство не было информировано о финско-немецких переговорах, что вызвало

его недовольство. Тем не менее, в июле СССР и Германия сумели договориться об объемах закупок никеля у Финляндии: СССР соглашался на получение 40% добываемых материалов, Германия – соответственно, 60[43]. Тем не менее, попытки СССР получить концессию в Петсамо не прекратились, причем наиболее настойчивыми требования СССР стали в конце 1940 года. 1 ноября Молотов заявил Паасикиви, что затягивание решения петсамского вопроса и антисоветская агитация в Финляндии свидетельствуют «о нежелании финляндского правительства иметь нормальные экономические и политические отношения с СССР и приведет к ответным мерам со стороны Советского союза»[44]. 19 ноября нарком вновь высказывал недовольство проволочками в деле передачи СССР концессии: «Для нас напрашивается вывод, что правительство Финляндии испытывает наше терпение, но всякому терпению приходит конец»[45]. 19–23 декабря в Москве проходили переговоры между финскими и советскими представителями, однако после пяти встреч стороны так и не пришли к соглашению.⁴⁶

Интересно, что во время этого советско-финского политического конфликта, Британия выступила на стороне Советского Союза: англичане готовы были поддержать советские требования о предоставлении концессии, лишь бы только финский никель не попал в Германию[47]. Тем не менее, советско-финские переговоры постепенно зашли в тупик.

Столь активное давление на Финляндию в вопросе с Петсамо с советской стороны объясняется в первую очередь возросшей активностью немцев в Финляндии и их интересами в этом районе. О том, насколько значимым для Германии было Петсамо, прекрасно свидетельствует тот факт, что он фигурировал в ключевых стратегических разработках немецкого командования: оборона Петсамо предусматривалась планом «Барбаросса»[48], а в распоряжении начальника штаба ОКВ Кейтеля командующему вооруженными силами в Норвегии относительно его задач по «Барбароссе» прямо указывалось на «важное значение» никелевых рудников для «вооружения Германии»[49]. Впрочем, необходимо отметить, что решение об оккупации Петсамо было принято в Германии задолго до принятия директивы № 21 и даже до каких-либо консультаций с финской стороной: 26 августа начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер записал в дневнике: «Если Россия нападет на Финляндию, мы займем Петсамо»[50]. Советское руководство, конечно, понимало важность Петсамо для Германии, тем более, что даже Шуленбург говорил Молотову об интересах Рейха в этом районе[51]. Именно германская заинтересованность в петсамском никеле сподвигла СССР более настойчиво требовать от Финляндии контроля над копиями. По сути, в Петсамо СССР решал не экономические, а военно-политические задачи. Паасикиви в своих мемуарах писал по этому поводу: «Стремясь получить для себя руководство в никелевом производстве, Советский Союз считал необходимым добиться устранения там других великих держав и прежде всего обрести влияние на «переднем крае» у Мурманска, поскольку немецкие войска тогда уже находились поблизости в Норвегии»[52]. Об этом же пишет историк Э. Вуорисярви: «Русские... начали устойчиво демонстрировать свое желание также иметь петсамский никель, хотя подлинной их целью было закрепиться в петсамском районе»[53]. Иными словами, целью СССР в Петсамо был не сам никель, а возможность контролировать его поставки в Германию. То есть петсамский вопрос был одним из шагов советской политики конца 1940 – начала 1941, общей целью которой было ослабление германского влияния в Финляндии. С той же целью Советский Союз вмешивался в процесс финских президентских выборов. Именно этим был продиктовано и еще одно требование СССР: об учреждении в Рованиemi советского вице-консульства[54]. Подобное желание Москвы было обусловлено тем, что именно Лапландия, губернским центром которой и является Рованиemi, была главным центром скопления немецких войск в Финляндии, о чем Советский Союз, как было показано выше, имел довольно полную информацию.

На фото: Карл Маннергейм и Герман Геринг у охотничьего домика

Таким образом, давление на Финляндию, оказывавшееся советским руководством в конце 1940 – начале 1941 годов прежде всего было направлено на ослабление финляндско-германских связей. Однако, к сожалению, жесткость и бескомпромиссность советских требований не только не позволили Советскому Союзу добиться поставленных целей, но и наоборот – только подтолкнули финнов к более тесному сотрудничеству с Германией, в которой они видели защиту от восточного соседа. Причем во время кризиса в советско-финских отношениях Финляндия и сама шла на обострения противоречий с Советским Союзом. Так, например, в декабре 1940 года в Финляндии было запрещено Общество мира и дружбы с СССР. Созданное в мае этого же года в Хельсинки, общество уже к декабрю насчитывало более 40 тысяч членов[55]. Существование подобной организации не устраивало финские власти, которые не очень-то церемонились с его членами. Так 7 августа в Турку полиция с

применением сила разогнала митинг, организованный обществом, в результате чего 17 человек было ранено[56]. И вот в декабре в разгар советско-финского политического кризиса в Финляндии было принято радикальное решение по борьбе с обществом. И это притом, что Советский Союз неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в существовании общества. К примеру, в одной из своих бесед с Виттингом советский полпред в Финляндии Зотов отметил, что «развитие отношений между Финляндией и Советским Союзом зависит от того вклада, который вносит Общество дружбы»[57]. Тем не менее, Финляндию это не остановило. Не менее проблемными были и ее отношения с самим полпредством. 30 декабря Вышинский потребовал от Паасикиви разъяснений относительно действий финских властей, направленных против советского посольства: «Полицейские власти в Финляндии создали для работников советского полпредства, под видом охраны полпредства, совершенно недопустимый режим изоляции наших работников от внешнего мира и от общественности. Полицейские власти берут под подозрение всякого финляндского гражданина, который приходит в полпредство по тому или иному делу. Финская полиция терроризирует посетителей советского полпредства, подвергая их всякого рода полицейским неприятностям»[58]. Паасикиви передал претензии Вышинского в Хельсинки, однако вместо разъяснений получил оттуда меморандум, в котором финский МИД в свою очередь излагал целый ряд претензий к Зотову, из которых, как писал Паасикиви, «вытекает требование о его отставке»[59]. От очередного витка конфликта советско-финские отношения спасла только неожиданная уступчивость, которую СССР проявил в этом вопросе: вскоре после того, как Паасикиви изложил советскому руководству позицию своего МИДа, Зотов под предлогом болезни был отозван из Финляндии, а на его место был назначен настроенный по отношению к Финляндии гораздо более дружелюбно П. Орлов

Как видно, Финляндия с декабря 1940 года уже гораздо увереннее чувствовала себя в отношениях с СССР. И причиной тому были значительно улучшившиеся отношения с Германией. Так 13 марта 1941 года Паасикиви записал в дневнике: «Маннергейм считал, что Советский Союз уступит в никелевом деле, если мы будем тверды, потому что знает, что Германия в конце концов встанет на нашу сторону»[60]. И основания делать такие предположения у Финляндии действительно были, причем начиная с декабря 1940 года. Именно в этот момент в Рейхе было принято окончательное решение о привлечение Финляндии к будущей войне в качестве союзницы. 5 декабря 1940 года на совещании с германским командованием Гитлер заявил, что в предстоящей войне против СССР будет участвовать и Финляндия[61]. В этих условиях в начале декабря с очередным визит Берлин посетил П. Талвела, причем эта его поездка была гораздо результативнее предыдущих: в этот раз ему удалось встретиться и с Гальдером, и с Герингом. Первая встреча, 16 декабря прошла с Гальдером. На ней обсуждался ряд стратегических и оперативных вопросов. Талвела рассказал Гальдеру о военном положении Финляндии, а также передал просьбу Маннергейма об оказании помощи Финляндии в обороне Аландских островов и Петсамо в случае начала войны[62]. Гальдер в свою очередь поинтересовался у финского посланника «о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении»[63]. Таким образом, уже в декабре 1940 года представители финского и немецкого командования вели конкретные переговоры о совместных боевых действиях против Советского Союза. 18 декабря состоялась встреча Талвела с Герингом, в ходе которой финский эmissар в частности заявил, что «у Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия... Стратегическое положение Финляндии является таким, что в ходе крупной войны с севера можно нанести серьезный удар по жизненным коммуникациям Северной России»[64]. В ответ на это Геринг уверил Талвела в намеренности Германии осуществлять военное взаимодействие с Финляндией и заявил, что теперь, когда «Финляндия оказалась в сфере интересов Германии, Вы можете, генерал, сказать маршалу [Маннергейму – Прим. П.С.], что Финляндии больше нечего бояться»[65]. Воодушевленный тем, как прошли встречи с немцами, Талвела по возвращении в Финляндию записал в дневнике: «Надеюсь, что в наступающем году мы вместе с Германией разобьем русска [презрительное название русских – Прим. П.С.] и тогда осуществиться моя давняя мечта о Карелии»[66]. Эту мечту Талвела прекрасно характеризует другая его фраза, произнесенная в 1922 году после неудавшегося антисоветского восстания в Карелии, в котором принимал участие и возглавляемый им отряд финских добровольцев: «Я убедился, что освободить Карелию от русска можно не иначе, как только взяв ее. Для освобождения Карелии потребуются новые кровопролития»[67]

А тем временем в Берлине 18 декабря была подписана директива № 21, в которой, среди прочего, говорилось: «В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии... Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко»[68]. Интересно, что практически параллельно с этим первые наброски будущего нападения на СССР разрабатываются и в финском генштабе: 21 декабря был составлен план, согласно которому финские войска должны были вести наступление к северному побережью Ладожского озера, расчленив там советские войска, а затем вести наступление на Карельский перешеек «до того, как продолжится продвижение вглубь ладожской Карелии»[69].

На фото: Финские солдаты убирают пограничные столбы. 26 июня 1941 г.

Следующая важная встреча представителей немецкого и финского командования состоялась в конце января 1941 года, когда в Цоссен прибыл начальник генерального штаба финской армии генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. Предлогом для его поездки стало выступление перед немецкими офицерами об опыте финской армии, приобретенном во время Зимней войны. Это выступление действительно состоялось вечером 30 января, однако куда более важной была беседа между Хейнриком и Гальдером тем же днем. Последний сделал о ней такую запись в дневнике: «16.30 – Совещание с генералом Хейнриком. Для доведения войск на границе до штатов военного времени [после объявления мобилизации] потребуется девять дней. Скрытая мобилизация. Однако ее нельзя сделать совершенно незаметной. Направление главного удара – по обе стороны Ладожского озера. Пять дивизий – южнее и три дивизии – севернее Ладожского озера»[70] Кроме того, Гальдер передал Хейнрику информацию о планах немецкого командования по наступлению на Ленинград из Восточной Пруссии и на Мурманск с территории Финляндии[71]. Таким

образом, начальники финского и немецкого штабов уже в январе обсуждали конкретные планы наступления на Советский Союз. Адъютант Гитлера майор Энгель так описал встречу Хейнрикса и Гальдера: «Начальник генерального штаба Финляндии генерал Хейнрикс находился в ОКВ, и ему намекнули о разрабатываемом плане Барбаросса. Все были поражены тем, с каким воодушевлением этот руководитель отнесся ко всем планам»[72].

Итогом поездки Хейнрикса стало в первую очередь то, что уже с февраля финское и немецкое командования приступили к решению конкретных вопросов, связанных с обеспечением будущего совместного наступления на СССР. 5 февраля начальник топографического отдела финского генштаба полковник Ю. Лайти отправил во все штабы и части финской армии запрос относительно наличия у них трофейных советских карт[73]. А в конце февраля военно-топографический обзор приграничной территории Финляндии был предоставлен немецкому командованию[74]. 12 февраля в Финляндию прибыл главный квартирмейстер Люфтваффе генерал-лейтенант Г.-Г. Зейдель, который пробыл в Финляндии до 20 февраля и за это время успел провести переговоры с Маннергеймом, Хейнриком и Талвела, совершить поездку на север Финляндии, где осматривал аэродромы для будущего размещения в Финляндии немецкой авиации, а также проинспектировать немецкую радиостанцию в Рованиеми[75]. Причем вся эта поездка была замаскирована под «охоту на медведя»[76]. Вслед за Зейделем, 18 февраля, Финляндию посетил начальник штаба армии «Норвегия» полковник Э. Бушенхаген и начальник армейской разведки майор Г. Мюллер. Бушенхаген встречался с Хейнриком, главным квартирмейстером генерал-майором А. Айро и начальником оперативного отдела штаба финской армии полковником Тапола. По воспоминаниям Бушенхагена, «на этих совещаниях говорилось о

возможностях операций из Средней и Северной Финляндии, особенно из районов Куусамо и Рованиemi, а также из района Петсамо. Эти совещания привели к полному единодушию»[77] Кроме того, на этих переговорах финны сообщили о своем намерении наступать на Петрозаводск и в очередной раз высказали пожелание о высадке немецкого десанта на Аланды[78]. После совещаний с финскими представителями немцы в сопровождении Тапола отправились в поездку по Северной Финляндии «для того, чтобы на месте выяснить в районе Куусамо и восточнее Рованиemi и Петсамо возможности развертывания наших [немецких – Прим. П.С.] войск и проведения операций из этого района... Эта поездка закончилась 28 февраля в Торнио, на финско-шведской границе. В последующих совещаниях были зафиксированы результаты этой поездки и было решено, что операции из района Куусамо и операции из района Рованиemi сулят успех, но что имеются серьезные трудности для наступления из района Петсамо на Мурманск. На этом закончилось мое совещание с финским генеральным штабом. В результате этой поездки был разработан главным командованием войск, находящихся в Норвегии, оперативный план, который предусматривал совместные операции с финской территории. Этот оперативный план был представлен в ОКВ и был утвержден»[79]

Вслед за Зейделем и Бушенхагеном Финляндию до июня 1941 года посетил целый ряд офицеров. В конце марта с ознакомительной поездкой в районе Петсамо побывал командующий горным армейским корпусом генерал Дитль, трижды – в марте, апреле и мае – Петсамо посещал командующий 2-й горной дивизией генерал Шлеммер. Кроме них туда же ездили полковники Хенгль и Наке, майоры Дрюк и Цорн, капитаны Мюллер и Фуссенеггер, осматривавшие будущий театр боевых действий[80]. Весьма показательно, что уже начиная с 18 февраля для пересечения норвежско-финской границы немецким офицером не требовалось даже предъявлять документы[81]. Необходимо отметить, что финские офицеры в свою очередь неоднократно посещали Германию. Еще 9 сентября 1940 года финская делегация во главе с генералом В. Тоумпо получила возможность ознакомиться с районом боев Вермахта и войск союзников. Причем в отчете о поездке отмечалось «огромное внимание и дружелюбность» немцев[82]. Позднее финны имели возможность посетить район боевых действий на Ла-Манше: в феврале-марте там побывала группа финских офицеров во главе с начальником штаба ВВС Финляндии подполковником Сарко, в апреле-мае шестеро офицеров береговой артиллерии и флота во главе с командующим ВМС генерал-майором Валве. С 19 апреля по 5 мая командующий танковыми войсками Финляндии полковник Лагус в сопровождении подполковника Бьеркмана и ротмистра Лунтинена имел возможность наблюдать за устройством немецкой танковой дивизии под командованием полковника Хаунцтильда. Всего же в 1940–1941 гг. Германию посетило около 70 финских офицеров[83].

Однако Германия, уже рассчитывавшая на помощь финнов в войне, стремилась к еще установлению еще более тесных связей с Финляндией. Тогда руководство Рейха дало понять финнам, что им «надлежит делами подтвердить свое желание... следовать германским курсом» и попросило о формировании финского добровольческого батальона СС. А поскольку следование германским курсом еще с 1940 года было для Финляндии основным приоритетом во внешней политике, в Хельсинки на этот шаг согласились без особых трудностей. Тем более, что тогда же немцы подбодрили финнов заявлением о том, что «Германия в войне с Россией будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она захочет»[84] В результате 9 апреля в Хельсинки был открыт тайный вербовочный пункт под руководством бывшего начальника государственной полиции Финляндии Э. Риекки. Вербовка проводилась вплоть до начала июня и за эту время в Германию было отправлено более 1200 финских добровольцев. Там они были разделены на две группы: первая, общая численность которой в конечном итоге составила 421 человек, состояла из ветеранов Зимней войны и была рассеяна среди многонациональных подразделений 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Вторая группа – 805 человек – состояла из необученных добровольцев и была направлена для прохождения обучения в лагерь СС в Вену. Позднее из нее был сформирован отдельный финский батальон СС, который также вошел в состав дивизии «Викинг»[85]. Стоит отметить, что, начав вербовку добровольцев в СС, Финляндия в очередной раз нарушила Гаагскую конвенцию о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, согласно которой «на территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут быть формируемы военные отряды и открываемы учреждения для вербовки».

Что же касается границ Финляндии, о которых говорили немцы, то в конце весны в Германии решили осведомиться, какие границы хотела бы видеть Финляндия после победы над СССР. Соответствующий запрос поступил на имя финского посланника в Берлине Кивимяки 17 мая и немедленно был перенаправлен Рюти[86] Президент в свою очередь поручил составление заключения по этому вопросу генералу Айро. 30 мая финские предложения относительно новых границ были закончены. Айро предложил немецкому командованию 5 различных проектов будущей границы, выбор которых зависел от успехов стран Оси в войне с СССР и немецких интересов на Севере. Финский историк, профессор М. Йокиппи дает такое краткое описание этих альтернатив:

«1. Если бы Советский Союз по-прежнему остался серьезным фактором, то в таком случае Финляндия хотела бы только скорректировать свою восточную границу между Ладогой и Куусамо. Это было бы компенсацией за передаваемую территорию на Карельском перешейке [имеется в виду территория, отошедшая к СССР после Зимней войны – Прим. П.С.], необходимую для обеспечения безопасности Ленинграда (около половины перешейка)

2. Во втором варианте исходили из того, что победившая Германия возьмет себе Кольский полуостров. В этом случае Финляндия могла бы присоединить Беломорскую Карелию, в которой от Кандалакши до Кеми население было почти целиком финноязычным (за исключением территории вдоль железной дороги [Мурманской – Прим. П.С.]). Финляндия, таким образом, вышла бы к Белому морю, но линия канала «Нева – Ладога – Онежское озеро – Белое море» полностью осталась бы в обладании Советского Союза. На Карельском перешейке уступили бы выше указанную территорию.

3. При полном крахе Советского Союза Финляндия должна была просить границы 1939 г. на Карельском перешейке, по южному течению Свири, чтобы агрессор не мог в условиях мира начать неожиданные приготовления к наступлению. В районе Масельгского перешейка по этим же соображениям линия проходила немного восточнее канала Сталина.

4. В четвертом варианте стратегическая полоса обороны на юге Восточной Карелии простиралась бы к востоку от Онежского озера, т. е. на чисто русской территории.

5. При пятом варианте указанная выше полоса обороны расширялась бы к северу таким образом, чтобы новая граница Финляндии в районе Белого моря подходила бы к Нименге, западнее города Онега. В таком случае предполагали, что Архангельская область станет своего рода «лесной провинцией» под непосредственным управлением Германии»[87].

Эти финские пожелания не только прекрасно иллюстрируют тот факт, что финское правительство не собиралось безучастно наблюдать за ходом советско-германского противостояния, но еще доказывает, что интересы Финляндии простирались куда дальше восстановления советско-финляндской границы 1939 года. Об этом же свидетельствует тот факт, что в мае 1941 года Рюти, помимо указаний Айро составить проекты новой границы, также дал задание нескольким финским ученым заняться обоснованием финских претензий на Восточную Карелию. В частности такое задание получили финские историки В. Ауер и Э. Ютиккала. Ауер впоследствии вспоминал, что Рюти при этом сказал ему, что «если Германия победит и Советский Союз распадется, то Восточная Карелия – наша. Это надо ясно обосновать»[88] Такое же задание дали и финскому профессору Я. Яккола[89].

---

[1] Цит. по Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985, с. 33

[2] Кен О., Русалов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930-1950-е годы. М. 2005, с. 277–278.

- [3] Опровержение ТАСС от 20 марта 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб, 2005, с. 290
- [4] Цит. по Пыхалов И. Великая обогнанная война. М. 2006, с. 159–160.
- [5] Барышников В.Н., Саломая Э. Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. М. 2005, с. 143.
- [6] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником королевства Швеция в СССР П. Ассарсоном 25 марта 1940 г. // Барышников В.Н. Указ. соч., с. 296
- [7] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб. 2005, с. 85.
- [8] Там же, с. 94
- [9] Там же
- [10] Кен О., Русалов А., Самуэльсон Л. Указ. соч., с. 279.
- [11] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 87
- [12] Там же, с. 79
- [13] Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск. 1999, с. 78
- [14] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 95
- [15] Там же.
- [16] Барышников В.Н., Саломая Э. Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию., с. 127.
- [17] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 1122
- [18] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 126
- [19] Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. с. 135
- [20] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 126
- [21] Там же, с. 126
- [22] Там же, с. 127
- [23] Барышников В.Н., Саломая Э. Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию. с. 127.
- [24] Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945. Т.3. М., 2005, с. 76.
- [25] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 125
- [26] Барышников В.Н., Саломая Э. Указ. соч., с. 128 – 129.
- [27] Йокиппи М. Указ. соч. с. 82
- [28] Барышников. В.Н. Указ. соч. с. 161
- [29] Там же, с. 123
- [30] Мери В. Маннергейм – Маршал Финляндии. М., 1997, с. 159
- [31] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг.с. 125
- [32] Протокол опроса президента Финляндии маршала К.Г. Маннергейма в связи с судом над военными преступниками Финляндии // Там же., с. 320
- [33] Йокиппи М. Указ соч., с. 20
- [34] Там же, с. 29
- [35] Цит. по Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 128, 142–143, 171
- [36] Там же, с. 129
- [37] Барышников В.Н., Саломая Э. Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну. // Крестовый поход на Россию., с. 145
- [38] Йокиппи М. Указ. соч., с. 15
- [39] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг., с. 173
- [40] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 23 июня 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 301.
- [41] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 27 июня 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 302.
- [42] Акимова Е.А. Проблема Петсамо в советско-финляндских отношениях в годы Второй мировой войны // Россия и Финляндия в XVIII–XX веках. Специфика границы. СПб. 1999, с. 258
- [43] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 17 июля 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 308.

- [44] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 1 ноября 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 353
- [45] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с посланником Финляндской республики в СССР Ю. Паасикиви. 19 ноября 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 366
- [46] Вуорисярви Э. Петсамо 1940–1941 гг.: нужен ли был России никель в действительности? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). Спб., 2007, с. 247
- [47] См. напр. Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом. 2 ноября 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 354
- [48] План «Барбаросса» // Дашичев В.И. Указ. соч., с. 87
- [49] Распоряжение командующему вооруженными силами в Норвегии относительно его задача по плану «Барбаросса» // Там же, с. 119
- [50] Гальдер Ф. Военный дневник. 1940–1941. М. 2003, с. 123.
- [51] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 175
- [52] Там же, с. 140
- [53] Вуорисярви Э. Указ. соч., с. 246
- [54] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 175
- [55] Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне., с. 34
- [56] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 102
- [57] Там же
- [58] Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Финляндской республики в СССР Ю.К. Паасикиви. 30 декабря 1940 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 390
- [59] Йокиппи М. Указ. соч., с. 93
- [60] Паасикиви Ю.К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944. Спб., 2004, с. 15
- [61] Гальдер Ф. Указ. соч., с. 331
- [62] Йокиппи М. Указ. соч., с. 94
- [63] Гальдер Ф., Указ. соч. с. 365
- [64] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 165
- [65] Там же
- [66] Там же, с. 165-166
- [67] Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север.1995, № 4–5, с. 97
- [68] План «Барбаросса» // Дашичев В.И. Указ. соч., с. 86
- [69] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 167
- [70] Гальдер Ф. Указ. соч., с. 411
- [71] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 179
- [72] Цит. по Йокиппи М. Указ. соч., с. 96
- [73] Там же, с. 111
- [74] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 183
- [75] Йокиппи М. Указ. соч., с. 107
- [76] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 183
- [77] Стенограмма допроса бывшего генерала пехоты немецкой армии Э. Бушехагена на заседаниях международного военного трибунала в Нюрнберге. 12 февраля 1946 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 408
- [78] Йокиппи М. Указ. соч., с. 108-109
- [79] Стенограмма допроса бывшего генерала пехоты немецкой армии Э. Бушехагена на заседаниях международного военного трибунала в Нюрнберге. 12 февраля 1946 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 408-409
- [80] Йокиппи М. Указ. соч. с. 123-124
- [81] Там же, с. 124
- [82] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 159
- [83] Йокиппи М. Указ. соч., с. 129-130
- [84] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 186

[85] Йокиппи М. Указ. соч.с. 113–115.

[86] Там же, с. 145

[87] Там же, с. 146

[88] Барышников Н.И. К вопросу о стратегических границах Финляндии // Россия и Финляндия и XVIII – XX вв., с. 283

[89] Йокиппи М. Указ. соч., с. 145

Источник: Загадочная Отечественная война - Военно-исторический сборник. М., "Яуза"-ЭКСМО. 2008

Павел Сутулин. ФИНЛЯНДИЯ: ЖЕРТВА ИЛИ АГРЕССОР (часть 2)

На фото: Немецкие войска, вступившие на территорию Северной Финляндии

Весьма интересными на этом фоне выглядят советско-финские отношения этого периода. Начиная с весны Советский Союз резко смягчил свою линию поведения по отношению к Финляндии. Новых требований к финнам больше не предъявлялось, новый посланник в Финляндии П.Д. Орлов производил в Хельсинки впечатление человека «образованного, гибкого, улыбающегося и покладистого».[1] Финляндии даже дали понять, что советское руководство готово пересмотреть свою позицию по отношению к шведско-финскому союзу.[2] Но наиболее значимым для Финляндии проявлением «нового курса» советского Союза стало событие, произошедшее 30 мая 1941 г., когда во время прощальной встречи с уходившим в отставку финским посланником Паасикиви Сталин неожиданно заявил: «Я оказываю вам лично маленькую услугу и дам вам 20 000 тонн [зерна]».[3] В результате уже в тот же день Паасикиви мог обсуждать техническую сторону поставок с Микояном.[4] Особенно дружелюбным отношение СССР к Финляндии в этот период выглядит в контрасте с тем, какую политику тогда же проводила по отношению к Финляндии Британия. Англичане в этот период занимали весьма жесткую позицию в своих контактах с Хельсинки, что в конце концов привело к тому, что 14 июня Англия блокировала морские коммуникации Петсамо, а после этого в Форин Офисе даже обсуждалась возможность интернирования находящихся на территории Империи финских граждан.[5] При этом необходимо отметить, что советское руководство в 1941 году неоднократно получало разведывательные данные о положении в Финляндии и ее взаимодействии с Германией. 30 апреля из Берлина поступило сообщение «Старшины», информировавшего Москву, что «по сведениям, полученным в штабе авиации, в последние дни возросла активность в сотрудничестве между германским и финским генеральными штабами, выражающаяся в совместной разработке оперативных планов войны против СССР. Предполагается, что финско-немецкие части перережут

Карелию, с тем чтобы сохранить за собой никелевые рудники Петсамо, которым придается большое значение».[6] 4 мая Москва, благодаря действиям своих лондонских агентов, получила в свое распоряжение информацию из раздела «Германия и Финляндия» сводки материалов английской разведки за 20–27 апреля, где, в частности, говорилось, что «в случае германорусского конфликта Германия приложит все усилия к вовлечению Финляндии в войну против СССР. Немцы немедленно начнут наступление на район Мурманска... немецкие морские и воздушные силы окажут помощь финской армии, находящейся в южной части Финляндии».[7] Советский резидент в Хельсинки Е.Т. Синицын позже вспоминал, что весной в Финляндии «враждебность против нас нарастала. По радио, в газетах, в театрах больше всего времени отводилось победам фашистской Германии на фронтах Европы. Правящая элита каждую победу немцев принимала как свою»[8]. Это же отмечали и иностранные наблюдатели. Так 22 марта английский посол в СССР Криппс сообщил Вышинскому, что «за последнее время в Финляндии ведется усиленная антисоветская пропаганда, инспирируемая со стороны Германии: визиты немецких военных в Финляндию – генерала Зайделя и полковника Бушенхагена, лекционный тур немецкого профессора Хиндельберга в Хельсинки, поведение финляндской прессы, снабжение Финляндии немецкими фильмами»[9]. На основании этой информации можно сделать вывод, что советское руководство прекрасно сознавало угрозу присоединения Финляндии к Германии в грядущей войне, равно как и то, что силовые методы в данной ситуации бесполезны. И поэтому СССР предпринял попытку своим благожелательным расположением хотя бы ослабить стремление Финляндии к сотрудничеству с Рейхом. Однако, к сожалению, эта попытка оказалась тщетной и Советский Союз в итоге добился лишь того, что перед самой войной Финляндия значительно пополнила запасы дефицитного для нее зерна.

А тем временем в Берлине решили приступить к выработке окончательных планов совместных с Финляндией действий против в войне против СССР. 4 мая была издана директива ОКВ о начале переговоров с Финляндией, 9 а 12 мая Йодль передал в немецкий МИД информацию о том, что «настало время для детальных переговоров о военном сотрудничестве с Финляндией»[10]. Приглашение на переговоры было передано финнам 20 мая через посла по особым поручениям Шнурре, который в беседе с Рюти предложил тому послать в Германию «одного или нескольких офицеров генштаба»[11]. Разумеется, Финляндия выполнила это пожелание немцев, и 25 мая в Зальцбург прибыла группа финских офицеров в составе начальника генерального штаба Э. Хейнрикса, начальник оперативного отдела генштаба полковник К. Тапола, начальник организационного отдела полковник Э. Мякинен, начальник отдела снабжения полковник Х. Роос и начальник штаба ВМС коммодор С. Сундман. В тот же день прошли переговоры финской делегации с представителями германского командования – начальником оперативного отдела ОКВ генерал-oberстом А. Йодлем, генерал-лейтенантом К. Типпельскирхом, полковником Бушенхагеном и проч. В ходе переговоров стороны пришли к следующим предварительным договоренностям: было еще раз подтверждено намерение финнов наступать по побережью Ладожского озера, задачей же немецких войск в Финляндии была оккупация Петсамо и последующее наступление из этого района силами двух дивизий в район Мурманск – Полярное (при этом финны готовы были сопроводить немецкие части проводниками и разведывательными отрядами). Еще две немецкие дивизии должны были наступать через Саллу на Кандалакшу. Для проведения этих операций 8 июня в Финляндию должны были начать прибывать части Вермахта. При этом финские войска в Северной Финляндии будут подчинены немецкому командованию, а немецкие в Южной – финской. Было также решено провести в Берлине дополнительные переговоры по частным вопросам, а 3 июня в Финляндию должен был выехать представитель немецкого командования для ведения окончательных переговоров по обсуждавшимся в Зальцбурге вопросам с финским политическим руководством[12]

На следующий день, как и было решено в Зальцбурге, в Берлине прошли переговоры между представителями различных родов войск. В ОКХ состоялась встреча Хейнрикса с немецкими представителями: Гальдером, первым обер-квартирмейстером генерал-лейтенантом Паулюсом, четвертым обер-квартирмейстером Матцки, начальники отдела «Иностранные армии – Восток» полковник Кинцель, начальник службы связи ОКВ генерал-oberст Фельгибель, начальник оперативного отдела ОКХ полковник Хойцингер и проч. В ходе этих переговоров было достигнуто соглашение о том, что всеобщая мобилизация в Финляндии начнется после 16 июня, а

до того скрытно будут проведены «мобилизационные мероприятия в приграничных районах»[13] Для высадки на Аландских островах финны собирались выделить 2 полка (впрочем, не забыв при этом еще раз предложить провести оккупацию архипелага немцам), для уничтожения советской военно-морской базы на полуострове Ханко – 2 дивизии. Основными же силами финнов (4 дивизии), как и предполагалось еще во время встречи Гальдера с Хейнриком в январе, по обоюдному желанию немецкой и финской стороны решено было наступать по побережью Ладожского озера. Причем выбор берега – западный или восточный – должно было сделать уже после начала войны «в зависимости от обстановки»[14] Финское наступление должно было начаться через 14 дней после немецкого. Исключения составляли только финские части, подчиненные немецкому командованию. Кроме того, было решено, что «связь с финской армией поддерживает специальный немецкий штаб связи при финском главном командовании»[15]

В тот же день прошли переговоры между коммодором Сундманом с финской стороны и начальником оперативного отдела главного штаба Кригсмарине контр-адмиралом Фрикке, коммодором Монтигни и капитаном третьего ранга Райнике с немецкой. В ходе беседы немцы интересовались у Сундмана его мнением о боеспособности советского и финского флотов. Обсуждались планы захвата Ханко и Аландских островов. Кроме того, было решено провести дополнительные переговоры в июне[16]

3 июня в соответствии с достигнутыми в Зальцбурге договоренностями прошли еще одни переговоры между представителями немецкого (Кинцель, Бушенхаген) и финского (Хейнрикс, Тапола, Роос) командования. Особенностью этих переговоров было то, что, если договоренности, достигнутые в Зальцбурге и Берлине, носили прелиминарный характер, то в Хельсинки Хейнрикс уже мог давать немцам конкретные обещания, имея на это санкцию финского руководства. И вот в ходе хельсинских переговоров финская сторона полностью подтвердила те решения, которые были приняты в Германии. Была подтверждена готовность финнов передать командование своим III армейским корпусом, располагавшимся в Лапландии, немецкой армии «Норвегия», было дано согласие на переброску в Финляндию немецких войск, на наступление финской армии в районе Ладоги и т. д. Кроме того, финны согласились передать в распоряжение Люфтваффе часть своих самолетов и указывалось, что граница между зонами ответственности финской армии и Вермахта будет проходить по реке Оулунйоки[17] В связи с этим немецкие делегаты в тот же день отправили в Берлин телеграмму: «Финляндия к каждому пункту сотрудничества готова»[18] И действительно, в дальнейшем Финляндия действовала строго в соответствии с соглашениями, достигнутыми в Зальцбурге и Берлине и утвержденными в Хельсинки. Вслед за встречей представителей сухопутных войск 6 июня в Киле прошел и второй раунд военно-морских переговоров. На них немцы посветили финнов в детальный план минирования Финского залива[19].

После этого события в Финляндии стали развиваться стремительно. С начала июня в Финляндию начали перебрасываться немецкие войска: 3 июня на круизном корабле «Адлер» в Раума в гражданской форме прибыла первая группа офицеров 36-го АК (169-я пехотная дивизия и дивизия СС «Норд»), а 5 июня она уже находилась в Рованиemi, а начиная с 10 июня в порт Похьянмаа начали прибывать части 169 пд, которые затем выдвигались в район Кемиярви. 7 июня финско-норвежскую границу пересекли части Кампфгруппы Норд (с 17 июня – дивизия СС «Норд»), которые уже к 9 июня сосредоточились в районе Рованиemi[20]. Необходимо отметить, что Советский Союз своевременно получал информацию о стягивании немецких войск в Финляндию. Так 10 июня из Хельсинки поступило сообщение о том, что «9 июня в Або [Турку] прибыл немецкий военный транспорт, который привез примерно 1500 солдат и 40–50 автомобилей для мотопехоты»[21]. Советскому послу в Лондоне передали информацию о том, что «11 июня... в Финляндию переброшены 2 германских дивизии и ... третья идет морем из Осло [на самом деле из Осло в финские порты прибывали артиллерийские части дивизии «Норд» — прим. П.С.]»[22]. А военный атташе в Хельсинки докладывал в Москву: «Точно установлено: в период 5–15 июня в портах Вааса, Оулу, Кеми выгрузилось не менее двух моторизованных дивизий [на самом деле – одна, 169-я пехотная дивизия и, как говорилось выше, артиллерийские подразделения дивизии СС «Норд» — прим. П.С.], следующих... в районы Северной

Финляндии»[23]. Любопытно также, что финское правительство было извещено о прибытии в Финляндию немецких войск только 9 июня,[24] то есть тогда, когда одна дивизия уже почти полностью передислоцировалась в Финляндию, а первые части второй от финских портов отделяли сутки пути. Это еще раз доказывает, что «внутренний круг» был предельно самостоятелен в принятии ключевых внешнеполитических решений.

10 июня из Осло в Рованиemi прибыл штаб армии «Норвегия» (33-й АК, 36-й АК, горнострелковый корпус «Норвегия»), расположившийся в 8 км от города в так называемом Лесном лагере[25]. В тот же день в Финляндии началась частичная мобилизация[26]. В связи с этими событиями председатель финской парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа 13 июня в письме сыну отмечал: «Итак, жребий брошен: мы – держава «оси», да еще отмобилизованная для нападения»[27]. 13 июня в Финляндию начал прибывать штаб связи немецкого командования при генеральном штабе финской армии: в Хельсинки прилетел генерал В. Эрфурт с помощниками. А вскоре в Берлин вылетел и финский представитель – генерал Оквист[28].

15 июня в полном соответствии с результатами переговоров в Зальцбурге командованию армии «Норвегия» был подчинен финский 3-й АК генерал-майора Х. Сииласвуо (3-я и 6-я дивизии). Уже 16 июня приказ командующего армии «Норвегия» генерал-полковник Фанкельхорст поставил перед финскими войсками задачу после начала немецкого наступления продвигаться к Мурманской железной дороге и побережью Белого моря. 17 июня Сииласвуо довел этот приказ до подчиненных ему частей [29]. Таким образом, первые финские войска получили приказ о наступлении на советскую территорию уже 17 июня. Впрочем, и другие финские части 18 июня получили приказ уже своего собственного генштаба, в которых излагаются цели финской армии в случае наступления на Советский Союз. Так 14-я дивизия полковника Раапана должна была захватить Реболы, 7 АК (7 и 11 Д) под командованием генерал-майора Хэглунда – осуществлять наступление на Сортавалу, 2 АК (15, 18, 2 Д) генерал-майора Лаатикайнена – занять район Илмее-Хиитола-Элисенваара[30] 19 июня Талвела, который к тому моменту был назначен командующим 6 АК, записал в дневнике: «Предварительный приказ о наступлении получен»[31]. Впрочем, все это уже не кажется столь удивительным, если знать, что еще 11 июня Хейнрикс докладывал в Берлин о том, что финские войска «в соответствии с планом будут готовы к наступлению 28 июня»[32].

17 июня, в полном соответствии с берлинскими договоренностями, в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация[33].

Начиная с 14 июня в Финляндию начали прибывать немецкие боевые корабли: именно в этот день в финские территориальные воды вошли минные заградители «Cobra», «Konigin Luise», «Kaiser», «Tannenberg», «Hansestadt Danzig» и «Brummer». Причем по финским шхерам корабли шли при помощи финских лоцманов. Вслед за ними к побережью Финляндии 17 июня подошли флотилии торпедных катеров 1.S (командующий – капитан-лейтенант Бирнбахер; состав: 6 торпедных катеров (S 26, S 39, S 40, S 101, S 102) и плавбаза «Carl Peters»), 2.S (капитан-лейтенант Петерсен; 6 торпедных катеров (S 41, S 42, S 43, S 44, S 104, S 105) и плавбаза «Tsingtau»), 5.S (капитан-лейтенант Клуг; 5 торпедных катеров и плавбаза «Tanga»), а также группа из 12 минных тральщиков и плавбазы «Elbe» под командованием капитан-лейтенанта Добберштайна. Таким образом к началу войны у берегов Финляндии базировалось около 40 немецких кораблей. В финских водах прибывшие корабли разделились на две группы: «Cobra», «Konigin Luise», «Kaiser», торпедные катера флотилии 1.S и 5 минных тральщиков составили группу «Кобра» и базировались в районе Порккала – Хельсинки. Все остальные корабли – группа «Норд» — отправились в район Турку[34].

На фото: Генерал-полковник Йодль в ставке маршала Маннергейма, 4 сентября 1941 г.

18–19 июня в распоряжение немцев было передано шесть финских аэродромов (Утти, Хельсинки, Луонетярви, Рованиemi, Кемиярви, Петсамо). На аэродром Луонетярви были переведены три немецких До-215 из 1. (F)/Aufkl.Gr/ob.d.L. (эскадрилья дальних разведчиков высшего командования Люфтваффе)[35].

Вечером 21 июня немецкие корабли приступили к операции по минированию Финского залива. В 21 час 40 минут группа «Кобра» отплыла от финского побережья и

выдвинулась к северу от мыса Пакринем, где с 22 часов 59 минут до 00 часов 40 минут выставляла минное заграждение «Корбета» (в советских обозначениях – минные заграждения И-17, И-57, И-58, И-59[36]; было использовано 400 мин ЕМС и 700 буев против минных тральщиков). После этого группа вернулась в финские шхеры. Группа «Норд» с 23 часов 29 минут до 1 часа 09 минут выставляла в районе о. Бенгтшер – м. Тахкуна заграждение «Аполда» (И-12, И-13, И-14, И-15, И-16; 590 мин, 700 буев)[37]. Однако куда более любопытным является тот факт, что уже в ночь на 22 июня минные заграждения в Финском заливе выставляли финские подводные лодки. Лодка «Iku-Tursu» выставила заграждение севернее о. Мохни (И-74), а «Vetehinen» — в заливе Кунда близ эстонского побережья (И-75). При этом «подводные лодки получили разрешение командующего военно-морских сил наносить удары, если им попадутся в высшей мере достойные цели (линкоры)»[38]. Иными словами, уже 22 июня финские ВМС начали боевые действия против Советского Союза. Минные постановки продолжились и позднее: 24 июня финские лодки выставили заграждения в районе маяка Родшер (И-77, И-78)[39].

Как известно, в ночь на 22 июня Германию начала войну против Советского Союза. Финляндия не присоединилась к немецкому наступлению, поскольку, как уже говорилось выше, должна была сделать это лишь спустя две недели. Однако это не помешало Финляндии провести несколько локальных операций против СССР. Так утром 22 июня финские войска высадились на Аландских островах. Причем выдвижение кораблей десанта и прикрытия к островам начало еще днем 21 июня, однако, не доходя до Аландов, финский флот остановился, ожидая начала войны. Высадившись на островах, финские войска нарушили одновременно Женевскую конвенцию 1921 года и Соглашение СССР и Финляндии об Аландских островах 1940 года, которые предусматривали полную демилитаризацию Аландов. При этом в административном центре архипелага, городе Мариенхамине, финские войска захватили персонал располагавшегося там советского консульства (31 человек), который 24 июня был вывезен в Турку[40]. Кстати, именно 22 июня произошло первое столкновение между советскими и финскими войсками, когда в 7 часов 05 минут советская авиация безуспешно попыталась атаковать финские корабли у о. Соттунга Аландского архипелага[41]. Впрочем этот же налет стал и последним вплоть до 25 июня, поскольку подписанная в 7 часов 15 минут 22 июня Тимошенко, Маленковым и Жуковым директива № 2 предписывала «на территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»[42].

В то же утро, 22 июня, немецкие войска провели операцию «Реннтир»: немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» в составе 2-й и 3-й гсд под командованием генерал-майора Дитля, перейдя норвежско-финскую границу, оккупировал Петсамо. Таким образом, в Финляндии появилось еще две немецкие дивизии в дополнение к двум уже имевшимся (169 пд и СС-«Норд»).

Персонал советского консульства в Петсамо также был захвачен, причем, разумеется, без какого-либо сопротивления с финской стороны[43].

Все тем же утром в беседе с Молотовым посол Шуленбург просил разрешения эвакуировать германских граждан из СССР через Иран, «так как Румыния и Финляндия совместно с Германией также должны вступить»[44]

Еще одной операцией 22 июня, к которой имела отношение Финляндия, стало минирование подступов к Кронштадту немецкими самолетами. В 00 часов 10 минут 14 Ю-88 из состав KGr 806 взлетели с аэродрома в Восточной Пруссии и, пролетая над побережьем Кронштадта, сбросили 28 магнитных мин, после чего приземлились на финском аэродроме Утти, заправились и затем вернулись в Германию[45]. Но наиболее примечательным в этом событии является даже не тот факт, что немцы для выполнения боевых задач использовали финский аэродром, а то, что штурманом ведущего немецкого бомбардировщика был офицер связи ВВС Финляндии и 1-го Воздушного флота Люфтваффе, финский капитан П. Эрви[46].

Еще одна совместная финско-немецкая операция началась в 22 часа 22 июня, когда с финского озера Оулуярви взлетели два немецких поплавковых Хе-115, на борту которых была финская диверсионная группа «Марттин», состоящая из 16 финнов-добровольцев, набранных из бойцов отряда глубокой разведки финского Главного штаба. Финны были одеты в гражданскую одежду и снабжены немецким вооружением и взрывчаткой. В час ночи 23 июня немецкие самолеты высадили группу на Коньозере, после чего финны начали продвигаться к шлюзам Беломоро-Балтийского канала, которые и попытались подорвать 28 июня, однако, ввиду хорошо организованной охраны, этого им сделать не удалось. В результате отряд вынужден был вернуться в Финляндию. По дороге финны устроили несколько взрывов на Мурманской трассе и потеряли убитыми двух человек. 11 июля отряд вернулся домой[47]. Что же касается немецких самолетов, то для прикрытия их возвращения с советской территории было выслано 4 финских «брюстера» из эскадрильи 4./LvV 24 под командованием лейтенанта П. Совелиуса. Пилоты получили приказ «патрулировать на русской стороне. В случае агрессивных действий вражеских истребителей атаковать». Однако, пробыв в советском воздушном пространстве полтора часа, финские истребители не встретили ни советских, ни немецких самолетов и были вынуждены вернуться на свой аэродром[48] Что касается немецких гидропланов, то они, разминувшись с финнами, благополучно приземлились на аэродром Палтамо.

24 июня над Таллинном советскими ПВО был сбит финский трофейный СБ лейтенанта А. Кармила, производивший в этом районе воздушную разведку[49].

23 июня в разговоре с Паасикиви Рюти поделился дальнейшими финскими планами: «3.07.41 мы вступаем [т. е. на 13-й день после начала войны, почти так, как и было оговорено в Берлине – Прим. П.С.], так как к этому сроку немцы в Северной Финляндии будут готовы. Мы уточнили будущую границу Финляндии. Границы будут установлены в зависимости от исхода войны и от того, что станет с Советским Союзом. Сейчас стоит вопрос о Восточной Карелии»[50] О том, насколько серьезны были финские притязания на эту территорию говорит хотя бы тот факт, что уже 24 июня генерал Сииласвуо отдал первые распоряжения по управлению захваченными советскими территориями: назначенные в общины коменданты должны были уважать права и достоинство семей, права личности, собственность и религиозные чувства жителей. Грабежи были запрещены; о военных налогах и реквизициях должны были последовать особые распоряжения[51] Впрочем, как нам уже известно из проектов финской границы генерала Айро, финские интересы простирались куда дальше Восточной Карелии. И немцы эти устремления Финляндии всячески поддерживали. Так 24 июня Геринг сообщил Кивимяки, что теперь Финляндия сможет «взять, что хочет», в том числе и «Петербург, который, как и Москву, лучше уничтожить»[52].

В свете вышеописанных событий становится совершенно понятным, почему Финляндия после начала советско-германской войны не заявила официально о своем нейтралитете, как она сделала это 1 сентября – сразу же после нападения Германии на Польшу, а также после вступления в войну Англии и Франции и начала польской кампании РККА,[54] ограничившись лишь рассылкой по посольствам и представительствам инструкций для своих дипломатов, в которых говорилось о том, что целью Финляндии является сохранение нейтралитета[55]. Впрочем, когда 23 июня Молотов потребовал от поверенного в делах Финляндии Хюнинена четко сформулировать позицию Финляндии по отношению к начавшейся войне, Хюнинен предпочел уклониться от ответа[56].

Именно в таких условиях ранним утром 25 июня началась советская бомбардировка Финляндии силами более полутысячи самолетов, продолжавшаяся до 30 июня. В советской и российской историографии очень часто встречается утверждение, будто бы единственной целью советской авиации в Финляндии были немецкие самолеты, базировавшиеся на финских аэродромах. Это, конечно же, не соответствует действительности. Хотя бы потому, что к 25 июня самолеты Люфтваффе имелись всего на одном финском аэродроме – Лоунетярви – да и то в количестве трех единиц. Однако даже если предположить, что советское командование переоценило численность немецкой авиации в Финляндии (как оно, в общем-то, и было на самом деле) да и вообще решило превентивно уничтожить финские аэродромы, чтобы они не могли быть использованы Люфтваффе, все равно необходимо признать, что целями советской авиации были далеко не только они. Так, например, 2-й смешанной авиадивизии была поставлена задача уничтожить дамбу и здание ГЭС в Иматре[57].

В целом же стоит отметить, что бомбардировка 25 июня была главной ошибкой, допущенной руководством СССР в советско-финских отношениях за весь период 1940–1941 гг. Во-первых, бомбардировка была совершенно провальной с военной точки зрения. За 6 дней бомбардировок советские ВВС потеряли 51 бомбардировщик и 20 истребителей. При этом весь эффект от советских налетов за все это время сводится к тому, что 25 июня на аэродроме в Турку был поврежден один (!) финский СБ[58]. Других потерь финская авиация не имела. Точно также и финские аэродромы практически не понесли потерь в материальной части. Ни один стратегический объект на территории Финляндии разрушен не был. Немецкие войска в Финляндии потерь не имели. Такой итог был у этой операции советских ВВС. Впрочем, эти неудачи меркнут по сравнению с негативными политическими последствиями этой акции. 25 июня финский парламент принял решение об объявлении войны Советскому Союзу, а 26 июня Рюти официально это решение огласил. По сути, СССР своими действиями собственноручно вручил Финляндию индульгенцию на начало войны с последующей реализацией всех своих планов, разработанных еще до 25 июня. В результате этого Финляндия сумела предстать перед мировым сообществом если и не жертвой советской агрессии, то уж, по крайней мере, страной, втянутой в войну в силу обстоятельств, а не по собственной воле. Благодаря чему Финляндия на какое-то время сохранила мирные отношения даже с воюющими с Германией странами. Так Англия объявила Финляндии войну только в декабре 1941 года, а США так и не сделали этого вообще. Больше того, до июня 1944 года у Вашингтона с Финляндией сохранялись дипломатические отношения. Таким образом, бомбардировка финской территории стала лучшим подарком Советского Союза Финляндии.

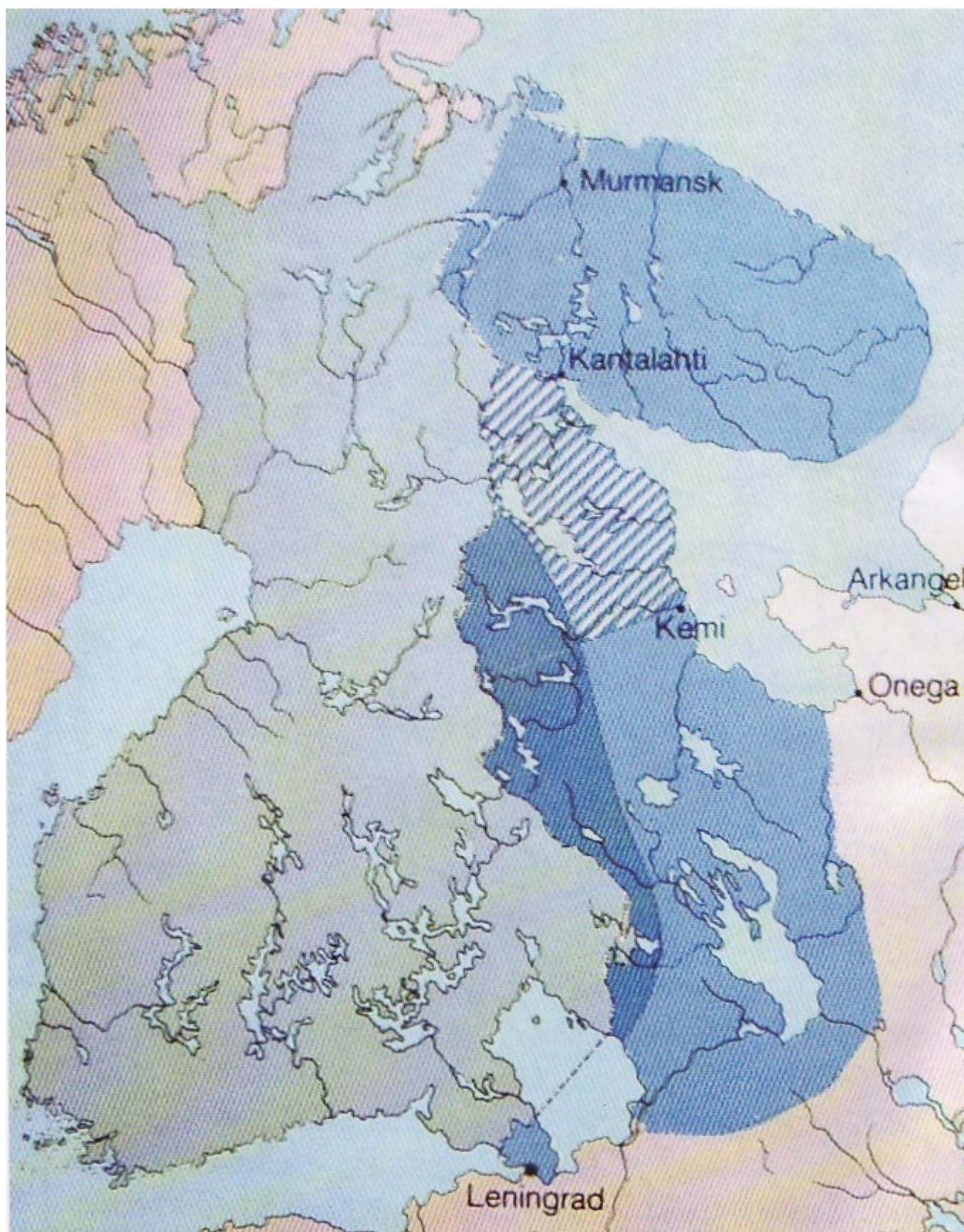
Говоря об операции 25 июня, следует обратить внимания и еще на один факт: после начала бомбардировок Советский Союз начал транслировать на территорию Финляндии радиосообщение, которое гласило, что советская авиация в Финляндии действует только против немецких войск (телеграфно-телефонная связь с Финляндией была прервана еще до 25 июня)[59] И, хотя, это утверждение, как уже говорилось выше, было ложным, сам факт того, что СССР, пускай даже в такой форме, попытался дать разъяснение финской стороне, что ведет боевые действия не против нее, говорит о том, что Советский Союз пытался использовать последнюю возможность сохранить с Финляндией мирные отношения. Депутат финского парламента, а впоследствии премьер-министр Э. Линкомиес в этой связи писал: «Если бы Финляндия хотела сохранить мир, то, очевидно, естественнее было бы, прежде чем объявить состояние войны,

попытаться выяснить у Советского Союза его намерения... Историческая правда состоит в том, что финское правительство само хотело разжечь войну»[60]. Лучшим доказательством слов Линкомиеса является тот факт, что, когда 31 июля 1941 года британские КВВС, по сути, провели операцию, аналогичную советским налетам 25 июня (разве что меньшую по масштабам), разбомбив финский Петсамо, Финляндия объявлять войну Англии не стала, ограничившись протестом и отзывом посла. Объясняется это просто: воевать с Британией Финляндии не хотелось. А вот с Советским Союзом – вполне.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем заключить, что Финляндию к 25 июня никак нельзя было назвать нейтральной страной. К этому моменту Финляндия уже имела четкие договоренности с Германией относительно совместного наступления на Советский Союз, которые она в ходе всего июня неукоснительно соблюдала. Финская армия была приведена в боевую готовность, финский армейский корпус был передан немецкой армии «Норвегия», на территории Финляндии размещались немецкие войска и боевые корабли, финские аэродромы были переданы в распоряжение Люфтваффе. Сама же Финляндия успела провести минные постановки в финском заливе и высадить войска на демилитаризованные Аландские острова. Все это вкупе с другими фактами, изложенными выше, красноречиво доказывает, что к 25 июня Финляндия была страной воюющей, а масштабное наступление ею не было проведено лишь потому, что финны в полном соответствии с германо-финскими договоренностями в Берлине, отложили его на начало июля. Таким образом, решение советского командования о начале бомбардировки Финляндии хоть и было ошибочным в стратегическом отношении, но с моральной точки зрения и с позиций международного права, пренебрежением нормами которого так любят попрекать Советский Союз, было совершенно оправдано.

Приложения

1. Планируемые территориальные приобретения Финляндии

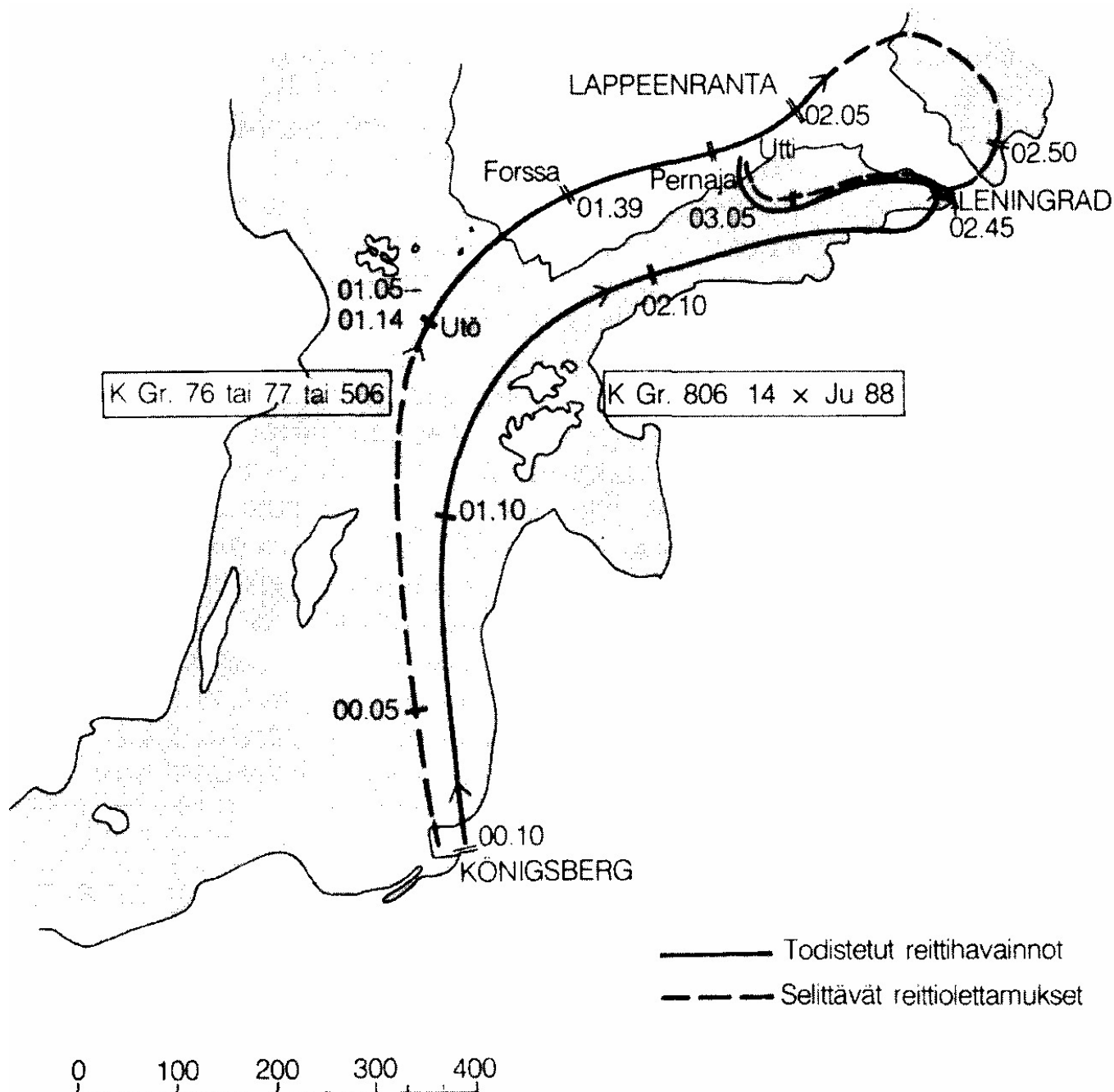

2. Схемы минных постановок в западной и восточной частях Финского залива.

<http://actualhistory.ru/app/var/pub/files/318/map2>

<http://actualhistory.ru/app/var/pub/files/318/map3>

33. Схема полета немецких бомбардировщиков для минирования подступов к Кронштадту 22 июня.

[1] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 197

[2] Там же

[3] Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944. Спб., 2004, с. 63

[4] Там же, с. 63-64

[5] Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск. 1999, с. 251, 253

[6] Сообщение берлинской резидентуры НКГБ СССР. 30 апреля 1941 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 427

[7] Записка наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с агентурным сообщением, характеризующим германо-финские отношения. 8 мая 1941 г. // Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995, с. 75–76.

[8] Цит. по Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 196

- [9] Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом. 22 марта 1941 г. // Там же, с. 417
- [10] Гальдер Ф. Военный дневник. 1940–1941. М. 2003, с. 612
- [11] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 201
- [12] Там же
- [13] Йокиппи М., Указ. соч. с. 151-154
- [14] Гальдер Ф. Указ. соч., с. 668
- [15] Отчет о переговорах в Цоссене между представителями германского и финского генеральных штабов. 26 мая 1941 г. // Дашичев В.И. Указ. соч., с. 132
- [16] Там же
- [17] Йокиппи М. Указ. соч. с. 157–159.
- [18] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 206
- [19] Там же
- [20] Йокиппи М. Указ. соч. с. 166
- [21] Там же, с. 190-194
- [22] Записка зам наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия м агентурным сообщением о завершении подготовки Германии к войне с СССР и об использовании территории Финляндии в военных целях. 11 июня 1941 г. // Секреты Гитлера на столе у Сталина. с. 154
- [23] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 211
- [24] Барышников В.Н. Советско-Финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. Спб., 2006, с. 221
- [25] Записка зам наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия м агентурным сообщением о решимости Германии вовлечь Финляндию в войну против СССР. 11 июня 1941 г. // Секреты Гитлера на столе у Сталина. с. 151-152
- [26] Йокиппи М. Указ. соч. с. 185
- [27] Там же, с. 168
- [28] Частное письмо председателя комиссии парламента Финляндии по иностранным делам В. Войонмаа. 13 июня 1941 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 458
- [29] Йокиппи М. Указ. соч. с. 184
- [30] Там же, с. 330
- [31] Там же, с. 213-215
- [32] Цит. по. Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 215
- [33] Там же, с. 213
- [34] Йокиппи М. Указ. соч. с. 329
- [35] Там же, с. 230-232
- [36] Геуст К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны продолжения» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг., с. 225
- [37] Здесь и далее советские обозначения приводятся по Платонов А.В. Трагедия Финского залива. Спб., 2005, с. 50-51
- [38] Йокиппи М. Указ. соч. с. 283-284
- [39] Там же, с. 287
- [40] Платонов А.В. Указ. соч. с. 51
- [41] Йокиппи М. Указ. соч. с. 281-282
- [42] Геуст К.Ф. Указ. соч. с. 226
- [43] Директива военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, копия народному комиссару военно-морского флота (СССР) // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 470
- [44] Йокиппи М. Указ. соч. с. 340
- [45] Беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 22 июня 1941 г. // Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. с. 469
- [46] Йокиппи М. Указ. соч. с. 289
- [47] Геуст К.Ф. Указ. соч. с. 225
- [48] Йокиппи М. Указ. соч. с. 293-294

- [49] Геуст К.Ф. Указ. соч. с. 229
- [50] Там же
- [51] Паасикиви Ю.-К. Указ. соч., с. 93
- [52] Йокиппи М. Указ. соч. с. 225
- [53] Барышников Н.И. Мифы в финской историографии о «войне-продолжении» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг., с. 203
- [54] Йокиппи М. Указ. соч. с. 175
- [55] Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск. 2004. с. 345
- [56] Йокиппи М. Указ. соч. с. 273
- [57] Геуст К.Ф. Указ. соч. с. 231
- [58] Там же, с. 237
- [59] Куманев Г.А. Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза 1941–1944 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII – XX вв. М. 2006, с. 358
- [60] Цит. по Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985, с. 43

Источник: Загадочная Отечественная война - Военно-исторический сборник. М., "Яуза"-ЭКСМО. 2008